

## Г Л А В А I

**Я** выходил из такси и, открывая дверцу машины, чуть не сбил ее с ног: пакеты, которые она держала в руках — хлеб, яйца, молоко, — посыпались на тротуар, так мы и встретились впервые, под мелким, уныло моросящим дождем.

Ей, пожалуй, было столько же лет, сколько и мне, или около того. Казалось, черты ее лишь в обрамлении седых волос приобрели наконец некую завершенность, годы подчеркнули и оттенили то, что молодость и природное изящество только робко наметили. Похоже, она запыхалась, как будто бежала, боясь опоздать. Я не верю в предчувствия, но уже

давно потерял веру и в свое неверие. Все эти “я больше не верю” — те же убеждения, причем столь же безосновательные.

Я кинулся собирать то, что уцелело, и чуть не упал. Выглядел я, наверное, довольно комично.

— Оставьте...

— Простите... Мне жаль, очень...

Она рассмеялась. Морщинки разбежались вокруг глаз, выдавая возраст, теперь четко обозначившийся.

— Право, пустяки. Что упало, то пропало, мне же легче...

Она уже собралась идти дальше, и я испугался самого худшего — что сейчас мы разойдемся в разные стороны и потеряем друг друга навсегда, во имя условностей и приличий, просто потому что “так положено”.

Нас спас шофер такси. Он обратился ко мне, вежливо улыбаясь:

— Извините, месье, мне нужна улица Бургонь...

— Но... мы как раз на ней и находимся.

— Бар на углу улицы Варенн, не подскажете?

— Так вот же он.

— Ну и?.. Платить-то собираетесь или как?

Я порылся в карманах. Франков у меня не было. Я все обменял в аэропорту, и, когда попытался заплатить долларами, он мне тут же напомнил, что “мы здесь во Франции, между прочим”. Я не знал, что делать, и эта женщина с седыми растрепавшимися волосами, в широком сером пальто выручила меня — заплатила по счетчику, потом, обернувшись, заметила, скорее с иронией, нежели с участием:

— Похоже, вам не слишком везет...

А я-то полагал, что со стороны это незаметно. Я не носил летную форму командира корабля, но мне всегда удавалось сохранять в глазах пассажиров и экипажа спокойный вид человека, который все держит под контролем и умеет находить выход из любого положения. Внешность соответствующая: широкие плечи, твердый взгляд. Но теперь я буквально таял на глазах; в наше время, однако, и на проколотых шинах можно проехать сотни километров.

— Вы правы, мадам, сейчас тот самый момент, когда в старых добрых романах человек идет к священнику, и по возможности — к незнакомому.

Развеселить ее мне не удалось. Взгляд мой выпрашивал подаяние, и она не могла этого

не почувствовать. Никогда мне не приходилось оказываться в столь беспомощном положении. Когда я спросил потом у Лидии, о чем она подумала в те первые минуты, она призналась: “Я подумала, что одолжила сто франков какому-то проходимцу, к тому же совершенно пьяному, и могу с ними распрощаться”. На самом же деле жизнь выбросила нас за борт, ее и меня, и произошло то, что называют встречей.

— Послушайте, я ваш должник...

— Какие мелочи...

— Если позволите, я выпишу вам чек...

Я возвращался из Руасси. Я отправился туда днем на такси, чтобы лететь в Каракас, как и задумал. Я устроился в углу, надвинул шляпу на глаза и так и сидел, слушая объявления о вылетах. Семнадцать лет я проработал в “Эр Франс”, и большинство экипажей знали меня в лицо, а я хотел уклониться от любых встреч и дружеских расспросов: “Что это ты, никак летишь пассажиром? Подумать только, полгода отпуска, не много ли? А Янник? Ты теперь отдыхаешь без нее?” Я был настолько выбит из колеи, что любое мое решение тут же реализовывалось в действии совершенно противоположном. Я прослушал объявление о посадке на рейс в Каракас,

прошел через зал ожидания, сел в такси и дал шоферу наш адрес на улице Вано. Спыхватился я как раз вовремя и попросил высадить меня у бара на углу. И то это было слишком близко. Мы жили в этом квартале не первый год, и меня могли узнать. “В котором часу вы от нее ушли? — В три. Я собирался лететь в Южную Америку, и мой самолет... — Вас видели на улице Варенн в семнадцать двадцать. — Да, я вернулся. — И вы не зашли домой? Вы ведь были всего в двух шагах оттуда. — Нет, я собирался, но передумал. И потом, мы же договорились... — О чем же? — Мне не в чем себя винить. Что мне еще было делать? — В подобных случаях, сударь, оставаться в живых — низость. Достойнее пустить себе пулю в лоб”. В отношениях с самим собой я всегда злоупотреблял иронией. Однако если мне выпало жить дальше, и не один год, придется привыкнуть к таким допросам, и чем скорей, тем лучше. Вряд ли они прекратятся в ближайшее время. И все же единственное, в чем я мог себя упрекнуть, так это в том, что не сел в самолет. Я не был убийцей, который прокрадывается на место преступления. Место... да наш голубой шарик так давно вертится вокруг Солнца, что всем даст фору по части преступлений.

Мы стояли под дождем среди валяющихся на тротуаре продуктов.

— Вот, пожалуйста, нам уже трудно расстаться, — сказал я.

Она рассмеялась, и от прорезавшихся морщинок лицо ее стало совсем добрым.

Кафе называлось “Арис”. У стойки сидел человек, очень элегантный, в пальто из верблюжьей шерсти и шляпе борсалино, он держал на поводке серого королевского пуделя, подстриженного как парк Ленотра<sup>1</sup>. По случайности, которая, возможно, не была такой — кто знает, а вдруг в этих музыкальных ящиках все подстроено, чтобы посмеяться над кем-нибудь или, напротив, кому-то угодить, — словом, один подросток попытал счастья, рискнув парой монет, и теперь слушал Шопена.

— Думаю, нам стоит поговорить, иначе все как-то уходит слишком быстро и неизвестно куда, и потом приходится возвращаться... “Не понимаю, что я делаю в этом кафе с совершенно незнакомым человеком”, так?

<sup>1</sup> Андре Ленотр (1613—1700) — французский архитектор, мастер садово-паркового искусства, создатель “французского” парка с четкой геометрической планировкой. (*Здесь и далее — прим. перев.*)

— Да.

К нам подошел официант.

— Два кофе со сливками, — сказал я и повернулся к ней: — Ну вот, теперь понятно, что мы здесь делаем.

Она улыбнулась не без некоторой жестокости:

— Я только жду обещанный чек, ничего больше.

— Бог мой...

Я достал из дорожной сумки чековую книжку:

— На чье имя?

— Выпишите на предъявителя...

— Все же я хотел бы знать ваше имя, вдруг пригодится...

— Лидия Товарски.

Человек с пуделем двинулся ко мне:

— Извините меня, месье... мадам... — Клоунским жестом он снял и водрузил обратно свою шляпу. — Я дрессировщик собак, и... у меня такое впечатление...

— Лас-Вегас, семьдесят пятый год, — помог я ему.

Казалось, он обрадовался:

— Вы исполняли номер...

— Нет, я был барменом в “Сэндз”.

— Ах да, теперь припоминаю... — Он протянул мне свою визитку: сеньор Гальба, адреса агентств в Нью-Йорке, Париже и Лондоне. — Когда постоянно путешествуешь, под конец уже никого не узнаешь...

Я молчал. Он понял, сразу как будто забыл все, чем хотел поделиться, опять снял и надел шляпу и вернулся вместе с пуделем назад к стойке.

— Бармен, в Лас-Вегасе в семьдесят пятом, — что вы там делали?

— Ничего. Я там не был. Просто ему нужно было встретить хоть кого-нибудь знакомого, этому бедолаге...

Она посмотрела на меня с любопытством, но в то же время строго:

— Когда так быстро ставят диагноз “одиночество” незнакомому человеку...

— Не будем так сразу пускаться в откровенности, мадам, — ответил я с подчеркнутым достоинством.

Она опять рассмеялась, ненадолго разогнав окружавших меня призраков.

— Я говорю “мадам”, дабы показать, что соблюдаю дистанцию... Мы с вами совершенно друг



другу чужие, мадам, и можете не сомневаться, я несколько не преувеличиваю значимость этих двух чашечек кофе... Только что на улице я вас нечаянно толкнул, выходя из такси, ну и...

— А вы забавны.

— Если бы я только мог развеселить вас хоть на несколько мгновений, мне стало бы легче. Давать поводы для смеха — по-моему, это самый щедрый дар. А как вы, все в порядке?

За окном одна за другой проезжали машины — улица, разумеется, с односторонним движением, и день стоял серый и унылый. Дрессировщик стремительно набирался в баре, так что вскоре ему вообще никто не будет нужен. Пудель смотрел на него с мучительным беспокойством: не так-то просто понять человека.

Мы молчали, и вот что решило все: наше молчание не становилось невыносимым. Казалось, что вид у нее какой-то потерянный, но, может, мне просто нужно было на что-то надеяться.

— Извините меня, — начал я. — Я не... Я только...

— Да, вижу. Я, знаете, умею распознавать сигналы бедствия. Представьте, я изучила эту науку. Я потеряла мужа и дочку полгода назад в автомобильной аварии. Что ж, полагаю, те-

перь мы можем распрощаться. — Она протянула мне руку в перчатке: — Не унывайте. Все еще, может быть, образуется.

— Я думаю вернуться во Францию к началу года и, если вы позволите...

— Да, конечно. Далеко вы?

— В Каракас.

Она долго рылась в сумочке, но так и не нашла ни чем, ни на чем записать. Я сходил в кассу за ручкой, и она написала “Лидия Товарски”, адрес и телефон на розовом листке оплаченного счета, шесть франков с мелочью, включая обслуживание. Я положил листок в карман.

Она мило улыбнулась мне на прощание, как бы говоря, что теперь мы в расчете, и вышла. Я не был уверен, что хорошо запомнил лицо, и догнал ее на улице. Она обернулась, вопросительно глядя на меня.

— Нет, ничего. Это чтобы узнать вас в следующий раз...

Седые, довольно длинные, до плеч, волосы она носила распущенными, не знаю уж, потому ли, что чувствовала себя молодой, или в память о своей молодости. Высокие, выступающие скулы; черные, необычно широко посаженные глаза, сияющие из темных впадин. Глубокая